

- 2004 - 13 июля - С. 6

Доброе полчасика, чертыхаясь, ищу его офис в знаменитом питерском доме на Пушкинской. Лестница, дверь, снова лестница, снова дверь... Тщетно дергаю металлическую дверь — тишина. Опять «динамо», которым так славится Баширов? Уже на выходе во дворе сталкиваюсь с летящим в глубоко надвинутой бейсболке типом. Ага! На ловца — и сами знаете кто. Делаю подножку — иначе не тормознуть этого явно шизанутого типа. Мы поднимаемся в его мини-офис, где место лишь столу да компу. Скромно, без пафоса, да и сам создатель культовой «ЖПО» совсем не похож на творца, а скорее на соседа дядю Васю или сантехника Колю, или хитрована водилу — таких своих простых ребят. Он до боли родной, с которым, уж сколько лет его знаю, перейти на «вы» невозможно. А типаж он — демонический и хулиганский одновременно... Бегемот, одним словом — не случайно, именно его Бортко утвердил на эту роль в «Мастере и Маргарите»...

Александр БАШИРОВ: Нужно уметь пить на ЧУЖИЕ

— Правда, что студентом ты вышел в роли Мефистофеля в костюме Адама?

— Правда, правда. Это уже почти легенда. Идея была режиссера — одной студентки-шведки — она сейчас, кстати, известная писательница в Швеции. По ее замыслу Мефистофель обнаженный должен быть. Так что пришлось дисциплинированно согласиться. А Бахтияр Худонайзаров играл как раз Фауста. Мы его не предупредили. И у него, как и у наших педагогов, челюсть отвалилась. Это был этюд на реакцию. Получился скандал, но так как это был спектакль раскрепощенной шведки, то все как-то замяли...

— Крестным отцом для тебя стал Сергей Соловьев — «Чужая белая и рыбой»?

— В кино? Да, на первом курсе он меня пригласил.

— Как нашел?

— У него во ВГИКе была параллельная казахская мастерская. Все мы ездили на картошку и вместе делали актерские этюды. Он увидел меня на этюде. Я ему понравился, и он пригласил меня к себе на «Чужую Белую».

— Ты действительно родился где-то в глухомани?

— Ну не знаю, насколько наша деревня Согом глухая. Нормальная такая деревня на севере Тюменской области. Там близость в Березове Меньшиков в ссылке был... Троцкий один день в наших краях провел — правда, немного выше по Оби...

— А родители у тебя...

— Мама на почте работала радисткой, отец непонятно чем занимался... Они давно разошлись... Детство провел с ней и одиноким дедом, который из принципиальных соображений отказывался работать на советскую власть и предпочитал рыбалку.

— Как ты оказался во ВГИКе?

— Вообще-то я учился в разных местах. В 1972-м прибыл в Ленинград, подал документы в первое попавшееся ПТУ и начал овладевать специальностью плиточника-облицовщика. Работал на цементном заводе в Выборге.

— А как насчет воинского долга?

— В 1981–1983 годах проходил службу в рядах Советской Армии. Поскольку меня призывали в довольно «преклонном» возрасте — в 26 лет, то в танковой дивизии, куда я попал, «старичка» перегружать не стали, и определили художником. Рисовал в основном портрет Леонида Ильича Брежнева в танкистском шлеме. Потом мотался по разным стройкам. В какой-то момент, когда нужна бы-

ла прописка, я вернулся в Сибирь. Тетка мне помогла — я поступил в Тюменский университет на факультет русского языка и литературы — заочно. Правда, не закончил его.

— Москва поманила?

— Упертой идеи не было — я просто поступил во ВГИК на режиссуру к Игорю Таланкину. Но ушел от него.

— Почему?

— Начались творческие разногласия. Это нормально. Я был нарасхват в качестве актера у сокурсников, занимавших меня в своих этюдах. После того как

ДОСЬЕ «ВМ»

Актер, режиссер, художественный руководитель режиссерско-актерской мастерской студии «Дебошир Фильм» (основана в 1996 году). Учредитель и президент ежегодного международного фестиваля независимого кино с музыкой «Чистые грезы». Родился 24 сентября 1955 года в деревне Согом Тюменской области. В 1990 году окончил режиссерский факультет ВГИКа (мастерская художественного кино и телефильма Анатолия Васильева). В 1990–1991 годах учился в актерской мастерской Лауренса Арансио в «Берхоф-студии» (Нью-Йорк, США). В начале 90-х принимал участие в концертах «Поп-механики» Сергея Курехина, играл в его спектакле «Колобок», снимался в клипах (позже режиссировал), вел концерты рок-групп и рок-фестиваль «Майор Ал. Баширов» (Киев, 1994), снимался в картинах «Асса», «Черная роза...», «Игла», «Хрусталева, машину!», «Мама, не горюй!», «Чеховские мотивы», «Яды, или Всемирная история отравлений», «Смеситель», «Штрафбат»... Поставил фильмы: «Аутсайдер», «Ода к радости», «Железная Пята Олигархии», «Белград, Белград» (1999, документальный), четырехсерийный «Удачи тебе, сыщик». Жена: певица Инна Волкова, солистка группы «Колибри», растит дочку Александру-Марию (8 лет).

на втором курсе с Таланкиным возникли творческие разногласия, перешел в мастерскую к Анатолию Васильеву, которую и окончил. Вопрос карьеры я решил для себя радикально — стал режиссировать жизнь. Если ты сам создаешь моду, то от моды не зависишь.

— В твой «Железной пяте олигархии» — «ЖПО», сокращенно, мы не обличаем зло, ужасаясь, а смеемся над ним. Наверное, так и нужно расставаться с эпохой — влекуюю?..

— Это была просто демонстрация мастерства и возможность моей студии. В картине в основном были заняты студенты и мои друзья. Поэтому это была просто часть учебного процесса. С композитором Женей Федоровым мы придумали такую как бы эстетику при минимальном бюджете в двадцать пять тысяч. Я сказал: давай возьмем Джека Лондона.

Очень тупая и глупая книга «Железная пята», которая пафосно обличает «мир чистогана и наживы». Сначала на самом деле мы хотели сделать типичный боевик с большими массовками. Причем работали без сценария — были какие-то наброски сцен, все так революционно. Три дня подготовки — и мотор! Экспериментировали.

— Давай уточним. Ты, случаем, в душе не коммунист?

— Каждый человек, родившийся в Советском Союзе — кроме, может быть, диссидентов и либералов, активных любителей обогатиться — существует в классической системе христианских ценностей. И коммунизм сам по себе такая же утопия, но романтическая. Это определенное желание социальной гармонии. Но это невозможно, это утопия. Сама по себе коммунистическая идея — из XIX века. Нынче она неактуальна. Она рухнула. Сейчас

другие проблемы — глобализм, терроризм, угроза всемирной катастрофы и так далее. И до нее уже никому нет дела.

— И поэтому ты сделал документальный «Белград, Белград»?

— Вот это и есть мой ответ на американский и транснациональный глобализм. Оба фильма остро социальные, но разные... Они о том, что духовная жизнь человека определяется все-таки его мечтами. Если рушатся мечты — определенно происходит катастрофа. И этому необходимо художественное осмысление.

— Что подстегнуло к поездке в пасть к зверю?

— Просто случилось оказия в это

время — поэтому быстро, в течение недели, мы организовали югославскую группу в Белграде и получили все разрешения на съемки. Особенного пафоса не гнали. Сама по себе ситуация была пафосная — в центре Европы происходит война — дико и неестественно. Пасха — и бомбежка, пустые эстакады, цветущие вишневые сады. Словом, разоренный рай на земле.

— Фильм получился концептуально антиамериканским?

— Там по этому поводу вообще ничего не сказано. Картина о том, как люди живут в таких условиях. Как люди прячут страх. Как выпивают с друзьями. Как играют в себя и в собственные представления о себе.

— Насколько я знаю, к тебе особенно трепетно относятся всякие финны-датчане, словом, скандинавы. Как ты думаешь, чем это вызвано?

— Ну... я для них олицетворяю как бы все лучшее, позитивное, прекрасное, что ассоциируется в представлении человечества с конкретным русским характером. Ха-ха.

— И, следовательно, не поступало ли предложения поработать вместе с викингами?

— Было дело. Например, «Белград, Белград» сделан на финские деньги. Со стороны Дании — Ларс фон Триер заинтересовался «ЖПО», фильм ему очень понравился. Он прочитал сценарий моего нового проекта «Любовь не продается» и решил его финансировать — хочет распространить сертификат Догмы и на Россию. Сейчас ищет деньги.

— Помимо этого, за тобой табунами носятся студенты... Так как-то странно преподаешь... без столов и конспектов...

— Даже без монтажа — у меня свой метод. Ребята и пленку покупают сами, и камеру арендуют — я только советую. Но это отдельная история. Кроме многих других талантов, у меня есть и этот — талант преподавания, оказывается, и мне это очень нравится. Правда, нравится.

— Кое-кто считает, что ты женился в первый раз по расчету, чтобы попасть в Америку...

— Как? Навсегда? Ну, съездил. И не раз. Каждый год по три-четыре раза ездил и возвращался.

Я там даже принимал роды у жены — она тоже студентка ВГИКа. В США у меня родился сын Кристофер. Потом вернулись сюда с ребенком, здесь продолжал обучение, еще три года вместе жили. На пятом курсе летом делать было нечего — осели там, учился в «Берхоф-студии». А затем снова вернулся на родину.

— Не жалеешь?

— Нет. Понимаешь, для того чтобы начать карьеру в другой цивилизации, культуре — нужно совершить определенный акт самоубийства: опять пройти детство, юность, первый поцелуй. Все, как положено. Начать все по новой. Набрать опыта, чтобы твоя биомасса вибрировала в соответствии с другой страной. Естественно, надо взять другое имя, фамилию...

— Ты не решился на это?

— А зачем? Мое имя от бога, и мне надо свою жизнь здесь прожить

— А твоя жена-американка стала актрисой?

— Да кому это интересно? Это ее личное дело. Пусть она сама про себя рассказывает.

— Ты сыграл в фильме «Даун-хаус» такого безумного Фердыщенко... Тебе-то самому по душе такая вольная трактовка классики?

— Не знаю. Мне вообще-то нравятся другие фильмы — классические. Их-то я и приглашаю на свой фестиваль «Чистые грезы» — Дзига Вертов, Эйзенштейн, Годар... А «Даун-хаус» — это, по-моему, все-таки коммерческое кино...

— А потом ты стал Павлом Первым в историческом сериале «Золотой век». И снова вдруг опустился до соседа-алкоголика в дебютном «Смесителе» у Шейна...

— Саша Шейн пригласил на свою дипломную работу. Мы бесплатно участвовали. Потом это развилось в большой фильм. Пошли досъемки. Конечно, на самом деле там ничего сложного художественного или актерского для меня не существовало... С Макаковой играть — одно удовольствие.

— Да уж! Там ты себя позиционируешь как соседа-дегенерата, разом превращающегося в сексуального монстра... И потом эта странная, тревожащая фраза в одном из интервью, что ты запросто «подсаживаешь на оргазм» знакомых?..

— Да уж, напугал я людей. А это лишь гипербола. Мысль о том, что творческий импульс доставляет нам такое же физическое удовольствие, что и плотские утехы. Большинство людей об этом не догадывается. А зря. Я даю своим студентам, например, драматургическое упражнение — написать новеллу или эпизод, где присутствует личный сексуальный опыт. Этот опыт у всех разный, у многих, может быть, его нет. Но меня он интересует как импульс.

— Кстати, не надоели роли бесконечных сексуально озабоченных соседей? Вот и в «Ядах, или Всемирной истории отравлений» ты снова выступаешь «маленьким гигантом большого секса»... Там ты такой бес-искуситель, охмуряющий дамочку за три минуты...

— Я там как бы проверяю супру-

гов «на вшивость». А что? В жизни всегда есть место подвигу в кавычках.

— А правда, что ты предлагал Соловьеву грязно надругаться аж над самим Ульяновым в «Доме под звездным небом»? То бишь над его героем?

— Там была такая история. Мы с Соловьевым ехали в машине к Рудинштейну в Подольск на фестиваль непроданных фильмов. И пока ехали, Соловьев дал мне почитать сценарий. Я прочитал и с ходу придумал, что мой отпеченный персонаж Компостеров появляется в Нью-Йорке и пытается изнасиловать героя Ульянова. И этот шок, ужас преследует его. Соловьев подумал-подумал и решил отказаться. Те должны-сти, которые занимал тогда Ульянов — депутат Верховного Совета, секретарь театрального Союза — исключали этот сюжет. Поэтому в картине все ограничилось невинными пристав-

ями разряженных трансвеститов.

— Ты вообще читаешь, что пишут о тебе в чатах на твоём сайте? Вот пример. «Его непредсказуемость завораживает». Или. «Мега-человек. Талантливый, необычный». А вот еще. «У меня вообще нет кумиров, кроме Баширова. Самый яркий актер и режиссер. Харизма просто...» Но мне больше всего понравился следующий крик души: «Я просто отбрасываю мозг на подлокотник кресла, когда смотрю фильмы с участием Баширова». Скажи, тебе, правда, нравится этот язык абсурда? Нравится быть концептуальным «плохишом»?

— Ну... это такое мелкое художественное хулиганство, которое не дает скучать.

— Ты культивируешь в себе дебоширство?

— А с чем еще может рифмоваться моя фамилия? К тому же я классик. Для меня авангардизм — это классика. Экстремизм происходит от самого исторического и географического напряжения, которое является частью русской культуры.

— Ты себя органично в этом чувствуешь?

— Да. Все искусство XX века создано русскими авангардистами — и ничего лучше этого не придумано в мире до сего дня.

— Чем все-таки занимается твоя студия помимо педагогического дебоширства?

— Рутинка. Фестивали, какие-то проекты, фильмы, сериалы, семинары...

— А алкоголь для тебя не проблема?

— Для меня вообще это никогда не было проблемой. Потому что невозможно работать, если ночь пьешь, а потом три дня лежишь... Вся жизнь у меня так было. Самое главное — нужно уметь пить на чужие. А то утром лежишь и думаешь — и ЭТО на свои деньги?

— Правда, что ты до сих пор живешь в коммуналке?

— Нет, уже лет десять я живу в центре Санкт-Петербурга, в большой квартире со свежим ремонтом... Но пусть будет такая легенда. Пусть люди думают, что я почти бомж.

Беседовала
Наталья БОБРОВА